

Поэт нашего времени

К 13-й годовщине со дня смерти В. В. Маяковского

Я не знаю других строк в нашей поэзии, где с такой же полнотой поэтического предвидения было бы огущено ощущение приближающейся бури. Владимир Маяковский чувствовал пороховую гарьку, которую доносило из будущего, ставшего для нас настоящим. Это естественно — сам он прошёл сквозь грозу двух революций, двух войн. «Не вновь, которым за двадцать — в грозе расти», говорит он и о себе. Барометр его поэзии и в мирные дни показывал бурю:

**Будут битвы
сильнее, чем крымское
землетрясение.**

Это великое землетрясение произошло. Маяковский чувствовал его приближение потому, что жил и дышал нашей эпохой. Вместе со всем народом он тревожился о будущем своей земли, стремился оградить её от врага, «обжелезить» и вооружить. Каждым своим стихотворением Маяковский предупреждал:

**Ещё готовятся,
пока —
не лезут,
пока
дипломатии
улыбка тонка.
Но будет —
двинут
гром и железо,
танками
на хаты
и по станкам...**

Из предчувствия грядущих битв рождалось требование готовности и мобилизованности. Маяковский выражал своими стихами железную волю советского народа встретить врага ежами штыков. Поэтому его стихи стали не только документами истории.

Главная забота народа — вооружение и защита социалистического отечества — была и его заботой:

**Пока
стальным окружим
враги
не нависли,
крепись
во всеоружии
техники
и мысли.**

Стихи Маяковского такое же сегодня, как металлургические заводы, заложенные в дни его жизни на Урале и в Сибири. Маяковский — действующий поэт, ибо в его произведениях выражена сущность советского патриотизма — громадная любовь к родине, громадная ненависть к врагу, готовность на любые трудности, готовность на любые жертвы ради победы своего правого дела:

**Работа трудна,
работа томит,
за нее
никаких копеек.
Но мы
работаем,
будто мы
делаем
величайшую эпопею.**

Эти строки должны вспомниться тем, кто рыл окопы, преграждавшие путь немцам, кто таскал тяжёлые брёвна на лесозаготовках, чтобы дать топливо военным заводам. В них — героика нашего времени, дающая силу и бойцу, и рабочему, и женщине, заменившей на колхозном поле своего мужа. Такие стихи должны знать все, — зная их, легче трудиться и воевать:

**От боя к труду —
от труда до атак, —
в голоде,
в холоде
и нагоде
держали
взятов,
да так,
что кровь
выступала из-под ногтей.**

Написанные о других боях, эти стихи относятся в равной степени и к нашим дням, к труду и атакам нашего времени. Такие строки могли бы стать эпитафией к книге об обороне Ленинграда. Маяковский писал стихи не на день, а на большое время. В этом — их жизнеспособность. Его поэзия — лирика народа и эпохи:

**...землю,
которую
завоевал
и полуживую
вынянчил,
где с пупей встань,
с винтовой пожись,
где каплей
лешься с массами, —
с такою
землею
пойдёшь
на жизнь,
на труд,
на праздник
и на смерть!**

Часто задают вопрос: как писал бы Маяковский сейчас, в дни отечественной войны? Я думаю, что он вот так бы и писал, по-маяковски, грубо, весомо, зримо, обогащённый величавым подвижничеством своего народа в этой войне. Тот враг, с которым сражаемся мы, и для Маяковского — «враг отъявленный и давний». Ещё в 1914 году, в первую мировую войну, Маяковский писал, что если «Германия не сделала попыток обрубить рост России, то только



В. В. Маяковский.

С редкой фотографии Петра ОЦУП.

потому, что видела в ней спецную колонию, которая нальётся и сама упадёт в её зубастую пушками пасть...».

Поэзия Маяковского была частью той великой силы, которая перестроила и перевооружила Россию. Он всю жизнь мечтал видеть свою родину не в лаптях да с вилами, а одетой, обутой и вооружённой. Он любил и поля России, и её берёзы, и её песни — но этого в России было вдоволь, а вот качественных статей и оружейных заводов было маловато. Он понимал, что «враг советов не дитё, чтобы идти в кулачки», и потому всей яростью своего поэтического голоса агитировал за трактор, за машину, за танк, за самолёт. Маяковскому для этого дела клином пришлось вбивать в поэзию слова, считавшиеся «непоэтичными». Но это дело было важнее пейзажей:

**Мы будем республику
обстраивать и строгать,
но в особенности —
утроим,
перед лицом наступающего
врага
силу
оборонеспособности.
И если
о новых
наступающих баронах
пронесётся
над республикой
кровавая весть,
на вопрос республики:
«Готовы к обороне?» —
полтора миллиона ответят:
Есть!**

В работе и в сраженьях вырастала гордость Маяковского за Россию, гордость за Москву. Маяковский не повторяет имени России «всуе», он, русский поэт, велик могуществом своего языка, размахом своей души, своей человечностью и любовью к родине, своей яростью к врагам. Маяковский — патриот России советской, он был и остаётся лучшим певцом дел своей страны. Он восклицал:

**Товарищи юноши,
взгляд на Москву,
на русский
вострите уши...
Да будь я
и негром преклонных годов
и то
без унынья и пени
я русский бы выучил
только за то,
что им
разговаривал Ленин.**

Русский патриотизм Маяковского свободен от какого-нибудь шовинизма. Он ненавидел антисемитизм. В двух стихотворениях Маяковский бичует погромщиков и черносотенцев, гневно восклицая: «Чорт вас возьми, черносотенная слизь!». Он как бы провидел и чёрную ночь фашизма, звал на борьбу против международных погромщиков.

Маяковский дружил с будничной, деловой, трудовой советской жизнью. Ему было дело до всего: и до строящихся заводов, и до штыка красноармейца, он влезал хозяйской рукой в политику и экономику. Он вместе со всем народом отстраивал и вооружал свою родину. Ревниво требуя внимания к своему поэтическому труду, Маяковский совершал свой подвиг с красноармейской скромностью. Он боролся за миллион экземпляров для своих стихов, но это было борьбой не за славу, а за широкое распространение важного оружия стиха.

Его поэзия и в суровые дни отечественной войны продолжает бороться и жить так же, как в сердце народа живёт человеческий подвиг.

Семен Кирсанов.